

Т. А. Казакова

МЕТАЯЗЫК ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ: ТЕРМИНЫ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Статья посвящена обзору и сопоставлению терминов и определений для основных понятий современного переводоведения в русскоязычном и международном англоязычном научном обиходе. Для анализа выбраны такие термины и связанные с ними понятия, как переводоведение, перевод, эквивалентность, трансформация, единица перевода. Библиогр. 30 назв.

Ключевые слова: металингвистика перевода, оценка качества перевода, эквивалентность, модели перевода.

METALANGUAGE OF TRANSLATION STUDIES: TERMS AND DEFINITIONS

T. A. Kazakova

Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article presents a general review and correlation of the terms and definitions for the major concepts of present-day translation studies in their Russian and English academic use. It analyzes such terms and corresponding concepts as translation studies, translation, equivalence, transformation, and unit of translation. Refs 30.

Keywords: metalinguistics of translation, translation quality assessment, equivalence, models of translation.

Введение

Метаязык переводоведения включает термины и определения для следующих понятий: научная область (переводоведение, теория перевода, наука о переводе), объект исследования (перевод), состояния объекта (эквивалентность, трансформация), единица измерения объекта и его состояний (единица перевода). Этому метаязыку присуща расплывчатость и высокая степень неопределенности, причем не только внешней (употребление слова не только в терминологическом, но и в обиходном значении), но и внутренней (употребление термина в разных терминологических значениях — внутрисистемная полисемия, употребление разных терминов для одного и того же понятия — внутрисистемная синонимия). В силу этих обстоятельств метаязык переводоведения отличается разнородностью терминов и определений, то есть тем, что некоторые исследователи перевода называют «терминологическим хаосом» (*terminological chaos*) [Marco, p. 255] или «металингвистической путаницей» (*metalinguistic confusion*) [Routledge, p. 314], объясняя этот феномен воздействием двух главных факторов: произвольным, в отличие от точных наук, характером объекта изучения (человеческий фактор) и сравнительной молодостью данной отрасли науки. Хаотичность переводоведческой терминосистемы проявляется как в национальных терминологиях, так и в международном англоязычном общении, что существенно осложняет не только международную научную дискуссию, но и развитие данной научной области. Рассмотрим несколько подходов к совмещению русской и англоязычной терминологии, уточняя термины и определения основных понятий переводоведения.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

1. Теория перевода или переводоведение?

Металингвистический хаос начинается с именованной самой научной области, причем ситуация осложняется при обращении к международному языку научного общения — английскому: теория перевода (*translation theory, a theory of translation*), наука о переводе (*the science of translation*), переводоведение (*translation studies, translation science, translatology*), «транслатология» (попытка легализовать область исследований через традиционный отечественный способ терминотворчества путем калькирования).

Термин «*science of translation*» был введен американским ученым и переводчиком Ю. Найда [Nida 1964, p. 23], хотя наряду с ним он употреблял и термин «*theory of translation*» [Nida & Taber]. Соответствующий ему термин «теория перевода» в 1960–1980 гг. получил наибольшее распространение в русскоязычном обиходе [Федоров; см. также: Рецкер; Швейцер] и в определенной мере сохраняется до настоящего времени [Найда; Нелюбин]. Однако в 2000-е годы как в монографиях, так и в учебниках, наряду с «теорией перевода», наблюдается распространение термина «переводоведение», близкого английскому «*translation studies*» [Комиссаров; Сорокин; Убоженко].

Это многообразие синонимичных терминов, обозначающих данную область науки, не случайно. Английский термин «*translation science*» (наука о переводе), в сущности, отличается от «*translation studies*» лишь иным ракурсом: если под *translation studies* обычно подразумеваются исследования и наблюдения, то *translation science* относится к уже сформулированным результатам и выводам таких исследований. Современное переводоведение является по преимуществу описанием с элементами детерминизма и прескриптивности, основанным на наблюдаемых результатах (соотношении исходного и переводного текстов), следовательно, не представляет собой теорию в строго научном смысле; очевидно, это и послужило отходом от термина «теория перевода» в пользу иных терминов. Кроме того, такое описание касается не только теоретических, но и прикладных проблем перевода, таких как оценка качества перевода [Сдобников], принципы экспертизы, основы подготовки и переподготовки переводчиков, общие проблемы индустрии перевода, вопросы локализации и т. п. [Рябцева]. Это разделение двух классов проблем в качестве научного предмета побудило Дж. Холмса ввести обозначение двух самостоятельных областей переводоведения: теоретическое и прикладное (в терминах Холмса, *pure theoretical translation studies* и *applied translation studies*) [Holmes, p. 20]. Нередко частные теоретические разработки именуются «моделями» [Клюканов; Волкова], хотя не всегда являются таковыми по сути.

Научным предметом переводоведения, как бы оно ни именовалось, объявляется *перевод* — и само это понятие, отмеченное неопределенностью и относимое к разным объектам, также отличается внутрисистемной полисемией.

2. Что такое перевод?

Как термин, обозначающий научный объект исследования, перевод (*translation, transfer*) отражает вышеназванный терминологический хаос, поскольку имеет по меньшей мере четыре значения: перевод — «речемыслительная (вербальная) деятельность человека по созданию текста, репрезентирующего текст-оригинал

на другом языке» [Тюленев, с. 10]; перевод — процесс «перекодирования языковых знаков в знаки другой языковой системы» [Алексеева, с. 5–7]; перевод — результат означенного процесса (текст или устное высказывание) [Нелюбин, с. 137]; перевод — словарное (или грамматическое) межъязыковое соответствие, например перевод термина или фразеологизма [Нелюбин, с. 145–147]. Два последних толкования можно считать периферийными, отражающими нестрого терминологическое определение понятия. Представление о переводе как о межъязыковом лексическом соответствии является наиболее спорным, так как такое соответствие может оказаться только фактом двуязычного словаря, фиксирующего стандартное словоупотребление и неприемлемого в конкретных речевых условиях (ситуации и т. п.): в этом смысле употребляется сочетание «дословный перевод». Такая внутрисистемная многозначность вызывает сомнение в научной определенности термина, прежде всего потому, что сопровождается различными подходами к теоретическому осмыслению объекта и последствиями его истолкования.

Представление о переводе как о сложной коммуникативно-когнитивной деятельности, обусловленной целым рядом факторов: лингвистическими, психологическими, культурологическими, социальными, информационно-технологическими, — преобладает в современном научном пространстве. Такой подход требует не только сопоставления оригинального и переводного текстов и языковых систем, но и их связи с личностью переводчика, мерой его языковой и предметной компетентности, владения техниками и операциями, необходимыми для принятия решений; сопоставления особенностей и возможностей разных культурных традиций; подготовки, условий деятельности и оценки труда переводчика; соотнесения технологических ресурсов с реальными потребностями общества в данном виде деятельности. Эти, а также многие другие проблемы и направления, связанные с изучением и обеспечением переводческой деятельности, дают представление о междисциплинарном характере объекта, что, безусловно, выделяет переводоведение как самостоятельную область науки, объект и методы которой не совпадают с исключительно лингвистической или литературоведческой перспективой и требуют разработки собственного научного аппарата, что продолжается по сей день, как подтверждает англоязычная «Энциклопедия переводоведения» (Routledge Encyclopedia of Translation Studies) [Routledge, p. 277–279].

Подход к переводу только как к процессу перекодирования языковых единиц, в сущности, оставляет переводоведение в пределах интересов лингвистики и является своего рода вариантом сопоставительного языкознания, поскольку научным предметом в данном подходе является языковой знак в сопоставительно-контрастивном аспекте. С ним тесно связаны такие научно-практические понятия, как единица перевода, трансформация (shift, technique, change, transformation), межъязыковое соответствие, лексико-грамматические и стилистические ошибки и т. п. За пределами данного подхода остается не только человеческий фактор, но и информационное содержание перевода, а также представление о динамике развития перевода как социально и культурно обусловленной деятельности. Вариантом данного подхода можно считать выработанное в сопоставительном литературоведении представление о переводе как о создании на другом языке образно-стилистического подобия художественному оригиналу — то, что принято называть художественным переводом.

Все эти неясности в определении понятия «перевод» осложняют и один из важнейших вопросов: как измеряется степень достоверности переводного текста по отношению к оригиналу?

3. Статус эквивалентности в переводоведении

В переводоведении существуют различные способы измерять состояние равенства между исходным и переводным текстами. Основополагающим понятием для любых представлений о переводе считается условное приравнивание знаков двух языковых систем или исходного и переводного текстов. Чаще всего для этого употребляется термин «эквивалентность» (*equivalence* в англоязычном научном обиходе), хотя, в отличие от предыдущих обсуждаемых здесь терминов, этот термин сопровождается обширным синонимическим рядом: точность (*exactitude*, *accuracy*), верность, полноценность, адекватность (*adequacy*, *correspondence*, *approximation*, *identity*, *interchangeability*, *verisimilitude* и т.д.). П. Ньюмарк ядовито, но справедливо определяет эти поиски единого термина как *futile* ('тщетные') [Newmark, p. 75]. Мы не будем здесь рассматривать источники и определения для членов данного синонимического ряда в силу их необозримого количества и вариантов интерпретации и остановимся на энциклопедическом толковании. Толковый переводоведческий словарь красноречиво свидетельствует о «металингвистической путанице» в определении и этого, на первый взгляд устоявшегося, термина. С одной стороны, эквивалентность трактуется как приравнивание двух языковых единиц, с другой — как приравнивание текстов оригинала и перевода. При этом отмечается, что «эквивалентность знаков еще не означает эквивалентность текстов, и, наоборот, эквивалентность текстов вовсе не подразумевает эквивалентность всех их сегментов» [Нелюбин, с. 253]. Логично заключить, что речь идет о неких разных уровнях приравнивания (или о разных способах) или вообще о разных явлениях? Тем более, что в дальнейшем тот же Словарь объясняет, что «эквивалентность — это особый случай *адекватности* (адекватность при функциональной *константе* исходного и конечного текстов)» [Нелюбин, с. 254]. Практически здесь мы сталкиваемся с очередным случаем внутрисистемной синонимии, которая охватывает ряд «эквивалентность — адекватность — функциональная константа». Далее к этому ряду добавляется «идентичность»: «эквивалентность перевода — максимальная идентичность всех уровней содержания текстов оригинала и перевода». Понятно, что толковый словарь не выражает исключительно собственную точку зрения автора-составителя, а отражает некоторое множество подходов и определений, которые существуют на данный момент в отечественном переводоведении (отнюдь не исчерпывающий свод источников), но и в таком случае приведенный нами перечень синонимов, включенных в данный словарь, отражает вышеупомянутую «путаницу». Достаточно обратиться к не менее расплывчатому определению понятия «адекватность» в этом же словаре: «адекватность — это тождественная информация, переданная равноценными средствами». [Нелюбин, с. 13] Большую хаотичность понятий трудно себе представить: адекватность — это тождественность (идентичность) эквивалентности. Немудрено, что студенты и переводчики, мягко говоря, не любят теорию перевода, а переводоведы, в свою очередь, сомневаются в полезности данного термина. М. Бейкер иронически отмечает, что этот

термин употребляется «for the sake of convenience — because most translators are used to it rather than because it has any theoretical status» ('для удобства, потому что к нему привыкли, а не потому что он имеет какой-либо теоретический статус') [Baker, p. 5–6].

Обратимся к англоязычному толковому переводоведческому словарю в поисках определения данной категории, где статья об эквивалентности начинается с утверждения, что «equivalence is a central concept in translation theory, but it is also a controversial one», и приводится краткий перечень сторонников фундаментальности этого понятия (Кэтфорд, Найда, Тури, Пим и др.), противников (Снелл-Хорнби, Гентцлер и др.) и «центристов» (Бейкер, Стеккони, Леонарди) [Routledge, p. 77–80]. При этом разброс мнений относительно как самого термина, так и связанных с ним понятий, располагается по весьма широкой шкале от признания эквивалентности важнейшим инструментом теории перевода до объявления этого понятия бесполезным в силу его крайней расплывчатости. Не вдаваясь в «разбор полетов», отметим, что сам разброс мнений в определении этого понятия подтверждает его в большей степени эмпирический, нежели теоретический статус: употребляя термин «эквивалентность», теоретики, практики и критики, как правило, имеют в виду некое желательное, но слабо аргументированное соотношение между исходным и переводным текстом.

Среди попыток теоретического обоснования эквивалентности как полезного инструмента в методологии переводоведения можно выделить понятие изоморфизма. Использование термина «изоморф» для измерения эквивалентности Ю. Найда объяснял тем, что «изоморфы всегда представляют собой набор различительных признаков... и вынуждают... мыслить категориями моделей, а не отдельных соответствий и расхождений» [Найда, с. 41].

Однако и в этом обосновании эквивалентности фигурирует понятие соответствия, и, судя по новейшим исследованиям, именно этот инструмент оказывается наиболее эффективным в современных моделях перевода и чаще всего передается в англоязычных публикациях посредством терминов *compatibility* (совместимость), *adequacy* (адекватное соответствие), *correspondence* (однозначное соответствие), *comparability* (сопоставимость), а сами показатели соответствия обозначаются термином П. Рикера *the comparable* (соизмеримое соответствие), посредством которого он передает связь между лингвистической и онтологической парадигмами перевода а рамках герменевтической модели [Ricoeur, p. 37]. С точки зрения Рикера, перевод определяется несколькими факторами: с одной стороны, это представление об ограниченных возможностях отдельно взятого языка и существование множества различных языков, в силу чего однозначное соответствие (*pure correspondence*) между языковыми знаками невозможно; с другой — это изменчивое во времени и пространстве множество (*plurality*) личностей, культур, эпох, систем ценностей [Ibid., p. 13], которые воздействуют на представление о приемлемости или неприемлемости того или иного переводческого решения, выражаясь, в частности в парадоксе Куайна «of non-adequate correspondence» (парадокс неадекватного соответствия) [Ibid., p. 6]. Основываясь на этом, Рикер выдвигает понятие «supposed equivalence» (допускаемая эквивалентность), или «correspondence without identity» (соответствие без тождественности) [Ibid., p. 22] и определяет перевод как «construction of the comparable» (создание сопоставимого, соизмеримого) [Ibid., p. 38].

Подход Рикера можно назвать интерпретативным, поскольку он предполагает множественность переводческих решений и отвергает сам принцип «правильного» или единственно верного соответствия. В сущности, модель уровней эквивалентности В. Н. Комиссарова, который определяет эквивалентность как «общность содержания (смысловая близость) оригинала и перевода» [Комиссаров, с. 415], в эмпирическом аспекте не противоречит философской гипотезе Рикера, и не случайно в качестве первого уровня эквивалентности Комиссаров предлагает уровень смысла, когда частные языковые элементы остаются непереуведенными и переводческое решение основывается на оценке взаимодействия их значений в составе более сложного знака, а не на самих отдельно взятых значениях.

На смену лингвистической перспективе в установлении степени достоверности (точности) перевода совершенно очевидно приходит смысловой, информационный подход, в частности выраженный в понятии «репрезентативности» на основе информационного рассмотрения перевода как способа передачи исходной информации, то есть на более высоком уровне, чем традиционно лингвистический, приравнивающий языковые знаки, а не смыслы [Тюленев, с. 136–138]. Надо отметить, что начало такому подходу в свое время положил Ю. Найда, предложив понятие «динамической эквивалентности» (*dynamic equivalence*) [Nida, 1982, p. 200]. Несмотря на то что это понятие подвергалось настойчивой критике и вызвало ожесточенную полемику в научной среде [Leonardi, p. 36], само по себе оно весьма продуктивно и в большей степени согласуется с современными реалиями перевода и переводоведения.

Таким образом, современное переводоведение подходит к выводу о неопределенности отношения между языковыми знаками и передаваемым ими смыслом (значением, сообщением, содержанием, информацией и т. д.) в условиях перевода, объясняя сложности с определением таких понятий, как эквивалентность или соответствие. Эту неопределенность можно считать системным свойством перевода, что выражается во множестве возможных различий между исходным и переводным знаками и, следовательно, в принципиальной вариативности сопоставимых соответствий между ними, что отражается на объеме смысловой информации при переводе.

4. Трансформация — процесс или результат?

Для описания множественности соответствий, то есть изменчивости в состоянии объекта, переводоведы пользуются термином «трансформация» (*shift, shifting*). Однако эти термины в отечественном и международном метаязыке переводоведения обозначают принципиально различные понятия и соответствуют разным определениям. Сравним, например, наиболее известные определения в отечественном переводоведении. С точки зрения Л. С. Бархударова, это: 1) «определенное отношение» между исходной и переводной языковыми единицами; 2) «определенные операции», применяемые переводчиком по отношению к исходному тексту в процессе создания переводного текста [Бархударов, с. 6]. Здесь отчетливо выражена двойственность термина: с одной стороны, он рассматривается в лингвистическом аспекте как отношение между языковыми единицами, то есть асимметрия [Гарбовский, с. 328–331], симметричный или асимметричный изоморфизм [Казакова,

2002, с. 279], с другой — как переводческая операция. Согласно Толковому переводоведческому словарю, «трансформация — это изменение формальных или семантических компонентов исходного текста при сохранении информации» [Нелюбин, с. 230]. По мнению И. Я. Рецкера, трансформация — это не предусмотренное межъязыковыми соответствиями изменение исходного текста или отдельной языковой единицы в результате логических операций, которые он называет «приемами логического мышления» [Рецкер, с. 38]. Другие определения данного термина являются в той или иной степени вариантами вышеприведенных. А. Д. Швейцер справедливо указывал на то, что термин «трансформация» применяется в переводоведении «в метафорическом смысле» и что на самом деле под ним подразумевается «замена в процессе перевода одной формы выражения другой, которую мы образно называем превращением или трансформацией» [Швейцер, с. 118].

В англоязычной терминологии наблюдаются попытки различить эти понятия путем разграничения лингвистического соотношения между единицами двух языков (*shift*) и операционального приема (*technique*): термин *shift* используется для описания продукта перевода с точки зрения различий между исходной и переводной языковыми единицами, тогда как термин *technique* относится к процессу перевода и понимается как переводческая операция преобразования исходного знака в переводной [Marco, p. 261].

Проблема возникает при соотнесении этих терминов с традиционной русской терминологией: поскольку в отечественной традиции оба понятия выражаются термином «трансформация», то каким образом передать разграничение между ними в англоязычном терминологическом обиходе? В переводах на русский язык термин *shift* иногда передается как «смещение» [Кэтфорд, с. 78], но встречается и перевод «трансформация». Термин «смещение» практически не используется как синоним для «трансформации» в отечественном переводоведении, и его появление сопровождается когнитивным осложнением, которое распространяется и на англоязычные публикации отечественных переводоведов, где для передачи понятия трансформации применяется либо термин *transformation*, имеющий несколько иное значение, либо термин *shift*, который не всегда совпадает с концептуальным наполнением этого термина в англоязычном научном пространстве.

Соотношение этих терминов, как и самих понятий, в англоязычной терминологии тоже недостаточно отчетливо, что отражается, в частности, в авторитетной переводоведческой энциклопедии: «Translation, like every transfer operation, involves an 'invariant under transformation'. The transformation which is occasioned by the translation process can be specified in terms of changes with respect to the original, changes which are termed 'shifts' [Marco, p. 227]. В этой цитате соседствуют близкие и в некоторых контекстах синонимические понятия *transformation* (переход, преобразование), *changes* (изменение) и *shift* (изменение, смещение), однако в данном случае они представляют разные категории, то есть используются для измерения разных величин — отклонение от инварианта, или идеального исходного текста (*transformation*), конкретное различие между исходным и переводным текстами (*changes*) и смещение относительно языковых единиц исходного текста (*shifts*). Это когнитивно-терминологическое осложнение во многом обусловлено, по-видимому, недостаточной разработанностью принципов выделения единиц измерения, иными словами — единиц перевода.

5. Что обозначает термин «единица перевода»?

Терминологическая путаница, связанная с важнейшими в переводоведении понятиями, в значительной степени обусловлена неопределенностью представлений о единице перевода. Понятие, введенное некогда (1958) предшественниками современного переводоведения Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне [Vinay and Darbelnet] и понимаемое ими как единица смысла, неоднократно определялось и пересматривалось в процессе научной дискуссии. Диапазон определений строится на обширной шкале от «наименьшей языковой единицы исходного языка, которая имеет соответствие в языке перевода» [Нелюбин, с. 52], до «sense-unit» или «idea-unit», переданной на языке переводного текста [Routledge, p. 287]. Предпринимаются попытки заменить описание однословным термином, например термином «транслатема» [Тюленев, с. 89].

Традиционно под единицей перевода понимается некая единица (элемент) исходного текста, которому подыскивается соответствие на языке перевода. Здесь отражается фундаментальное противоречие, наблюдаемое в определении перевода как объекта научного внимания: перевод интерпретируется либо как процесс, либо как результат межъязыковых преобразований. Характерно, что единица перевода, понимаемая как единица исходного текста, определяется в лингвистической перспективе, то есть за основу ее выделения берется какая-либо языковая единица: чаще всего слово или фраза. Наиболее подробную иерархию понимаемых таким образом единиц разработал Л. С. Бархударов: в его модели быть «единицей перевода может языковая единица любого уровня» — от фонемы до целого текста [Бархударов, с. 175–176]. Проблема возникает в отсутствии отчетливых критериев связывания таких единиц перевода со смыслом, то есть, в сущности, ставится под вопрос объективность выделения каких-либо языковых единиц в качестве единиц перевода. Как правило, рассуждения о критериях вычленения таких единиц в исходном тексте носят общий и расплывчатый характер.

Другая проблема отражает односторонность подхода к понятию единицы перевода как единицы, *подлежащей* переводу, то есть какого-либо смыслодержущего элемента исходного текста, без учета переводческого соответствия. Если подойти к этому вопросу более внимательно, то становится очевидной необходимость рассматривать единицу перевода, во-первых, как межъязыковое отношение, объединяющее исходный и переводной языковые знаки, то есть как межсемиотический комплекс, возникающий в условиях перевода либо на стандартном, либо на уникальном основании, и, во-вторых, включать в представление о единице перевода закономерности мыслительных процессов, — в частности, разнообразных речемыслительных механизмов от дедуктивной логики до эвристики и интуиции (латентного логического суждения) [Казакова, 2006, с. 179]. В определенном смысле, единица перевода, в сущности, представляет собой шаг переводческого поиска среди возможных межъязыковых соответствий. С этой точки зрения единицей перевода не может служить ни исходный языковой знак, ни его переводное соответствие по отдельности. Подобный подход разделяет С. В. Тюленев, по мнению которого, «вопрос о единице перевода — транслатеме — возникает лишь в связи с процессом перевода, а не с переводом как текстом, результатом процесса перевода», и «процесс перевода представляет собой первичный поиск транслатем», которые впоследствии могут изменяться и уточняться [Тюленев, с. 92].

Заключение

Проведенный обзор терминов и определений основных понятий переводоведения отнюдь не претендует на полноту охвата, учитывая многочисленность публикаций и множественность подходов к теоретическому осмыслению перевода как научного объекта. Рассмотренные здесь парадоксы метаязыка науки о переводе при всей их противоречивости отражают постепенный переход от сугубо лингвистического статуса к междисциплинарной перспективе, что выражается не только в объективации представлений и возникновении новых терминов, но и в постепенном уточнении самих понятий и упорядочивании терминосистемы. Терминологическая и понятийная неопределенность переводоведения проистекает из сложной природы самого научного объекта, который включает не только материальные составляющие (языковые знаки), но и такой фактор, как свободная воля человека-переводчика и особенности его мыслительного процесса, определяющие принятие решений. Возможно, именно поэтому любой научный подход к переводу неизбежно выходит за пределы отыскания межъязыковых закономерностей. Вовлечение в орбиту интересов переводоведения научного инструментария герменевтики, теории информации, психосемиотики и других обусловленных «человеческим фактором» областей науки способствует становлению переводоведения как самостоятельной научной дисциплины с непротиворечивым метаязыком и собственной методологией.

Литература

- Алексеева И. С. Введение в переводоведение. М.; СПб.: Academia; Филол. фак. СПбГУ, 2004. 347 с.
- Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории переводов. М.: Международные отношения, 1979. 239 с.
- Волкова Т. А. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода. М.: Флинта; Наука, 2010. 125 с.
- Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: МГУ, 2004. 543 с.
- Казакова Т. А. Изоморфизм как условие перевода // Университетское переводоведение. Т. 3. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2002. С. 274–284.
- Казакова Т. А. Художественный перевод: В поисках истины. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2006. 223 с.
- Клюканов И. Э. Основные модели перевода. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1988. 52 с.
- Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. 421 с.
- Кэтфорд Д. Лингвистическая теория перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 91–114.
- Найда Ю. Изоморфные связи и эквивалентность в переводе // Перевод и коммуникация. М.: Наука, 1997. С. 8–19.
- Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта; Наука, 2003. 318 с.
- Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974. 216 с.
- Рябцева Н. К. Прикладные проблемы переводоведения: лингвистический аспект. М.: Флинта; Наука, 2013. 224 с.
- Сдобников В. В. Оценка качества перевода: коммуникативно-функциональный подход. М.: Флинта; Наука, 2015. 108 с.
- Сорокин Ю. А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: Гнозис, 2003. 159 с.
- Тюленев С. В. Теория перевода. М.: Гардарики, 2004. 334 с.
- Убоженко И. В. Зарубежное переводоведение: Великобритания. М.: Р. Валент, 2014. 227 с.
- Федоров А. В. Основы общей теории перевода. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1968. 396 с.
- Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус. Проблемы. Аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
- Baker M. In Other Words: A Coursebook on Translation. London; New York: Routledge, 1992. 314 p.

- Holmes J. S. Translated! Papers on Literary Translation and Translation Studies. Amsterdam: Rodopi, 1988. 117 p.
- Leonardi V. Equivalence in Translation: Between Myth and Reality // Translation Journal. 2000. Vol. 4, N 4. URL: <http://translationjournal.net/journal/14equiv.htm> (дата обращения: 29.07.2016).
- Marco J. The terminology of translation: Epistemological, conceptual and intercultural problems and their social consequences // Target. 2007. Vol. 19. Iss. 2. P.255–269.
- Newmark P. Paragraphs on Translation. Clevedon: Multilingual Matters, 1993. 186 p.
- Nida E. Toward a science of translating: with special reference to principles and procedures involved in Bible translating. Leiden: E. J. Brill, 1964. 341 p.
- Nida E. The Word of God: A Guide to English Versions of the Bible. Atlanta: John Knox Press, 1982. 228 p.
- Nida E., Taber C. R. The Theory and Practice of Translation. Leiden: E. J. Brill, 1982. 226 p.
- Ricoeur P. On Translation / trans. E. Brennan. London; New York: Routledge, 2006. 66 p.
- Routledge Encyclopedia of Translation Studies / Ed. by M. Baker. London; New York: Routledge, 2005. 889 p.
- Vinay J.-P., Darbelnet J. Comparative Stylistics of French and English: A Methodology for Translation. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1995. 378 p.

Для цитирования: Казакова Т. А. Метаязык переводоведения: термины и определения // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 4. С. 75–85. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.406.

References

- Alekseeva I. S. *Vvedenie v perevodovedenie [Introduction to Interpretation and Translation Studies]*. Moscow, St. Petersburg, Academia, Philological faculty (St. Petersburg State Univ.) Publ., 2004. 347 p. (in Russian)
- Barkhudarov L. S. *Iazyk i perevod: Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevodov [Language and translation: Issues of general and special theory of translation]*. Moscow, International Relations Publ., 1979. 239 p. (in Russian)
- Volkova T. A. *Diskursivno-kommunikativnaia model' perevoda [Discourse and Communication Translation Model]*. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2010. 125 p. (in Russian)
- Garbovskii N. K. *Teoriia perevoda [Theory of Translation]*. Moscow, Moscow State Univ. Press, 2004. 543 p. (in Russian)
- Kazakova T. A. *Izomorfizm kak uslovie perevoda [Isomorphism as a Condition for Translation]. Universitetskoe perevodovedenie [University Interpretation and Translation Studies]*. Vol. 3. St. Petersburg, Philological faculty (St. Petersburg State Univ.) Publ., 2002, pp. 274–284. (in Russian)
- Kazakova T. A. *Khudozhestvennyi perevod: V poiskakh istiny [Literary translation: in search of the truth]*. St. Petersburg, Philological faculty (St. Petersburg State Univ.) Publ., 2006. 223 p. (in Russian)
- Kliukanov I. E. *Osnovnye modeli perevoda [Basic models of translation]*. Kalinin, Kalinin State Univ. Publ., 1988. 52 p. (in Russian)
- Komissarov V. N. *Sovremennoe perevodovedenie [Contemporary Interpretation and Translation Studies]*. Moscow, ETS Publ., 2002. 421 p. (in Russian)
- Catford D. *Lingvisticheskaia teoriia perevoda [The linguistic theory of translation]. Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoi lingvistike [Issues of theory of translation in foreign linguistics]*. Moscow, International Relations Publ., 1978, pp. 91–114. (in Russian)
- Naida I. *Izomorfnye svyazi i ekvivalentnost' v perevode [Isomorphic relation and equivalence in translation]. Perevod i kommunikatsiia [Translation and Communications]*. Moscow, Nauka Publ., 1997, pp. 8–19. (in Russian)
- Neliubin L. L. *Tolkovyi perevodovedcheskii slovar' [Explanatory dictionary of translatology]*. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2003, 318 p. (in Russian)
- Retsker I. I. *Teoriia perevoda i perevodcheskaia praktika [The Theory and Practice of Translation]*. Moscow, International Relations Publ., 1974. 216 p. (in Russian)
- Riabtseva N. K. *Prikladnye problemy perevodovedeniia: Lingvisticheskii aspekt [Applied problems of Interpretation and Translation Studies: linguistic aspect]*. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2013. 224 p. (in Russian)
- Sdobnikov V. V. *Otsenka kachestva perevoda: Kommunikativno-funktsional'nyi podkhod [Evaluation of translation quality: functional-communicative approach]*. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2015. 108 p. (in Russian)

- Sorokin I. A. *Perevodovedenie: Status perevodchika i psikhogermenevticheskie protsedury* [Translation Studies: The translator's status and psychohermeneutical procedures]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 159 p. (in Russian)
- Tiulenev S. V. *Teoriia perevoda* [Theory of Translation]. Moscow, Gardariki Publ., 2004. 334 p. (in Russian)
- Ubozhenko I. V. *Zarubezhnoe perevodovedenie: Velikobritaniia* [Foreign Interpretation and Translation Studies: United Kingdom]. Moscow, R. Valent Publ., 2014. 227 p. (in Russian)
- Fedorov A. V. *Osnovy obshchei teorii perevoda* [Fundamentals of the general theory of translation]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1968. 396 p. (in Russian)
- Shveits'er A. D. *Teoriia perevoda: Status. Problemy. Aspekty* [Translation theory. Status, Problems, Aspects]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 215 p. (in Russian)
- Baker M. *In Other Words: A Coursebook on Translation*. London, New York, Routledge Publ., 1992. 314 p.
- Holmes J. S. *Translated! Papers on Literary Translation and Translation Studies*. Amsterdam, Rodopi Publ., 1988. 117 p.
- Leonardi V. Equivalence in Translation: Between Myth and Reality. *Translation Journal*, 2000, vol. 4, no. 4. Available at: <http://translationjournal.net/journal/14equiv.htm>. (accessed: 29.07.2016).
- Marco J. The terminology of translation: Epistemological, conceptual and intercultural problems and their social consequences. *Target*, 2007, vol. 19, no. 2, pp. 255–269.
- Newmark P. *Paragraphs on Translation*. Clevedon, Multilingual Matters Publ., 1993. 186 p.
- Nida E. *Toward a science of translating: with special reference to principles and procedures involved in Bible translating*. Leiden, E. J. Brill Publ., 1964. 341 p.
- Nida E. *The Word of God: A Guide to English Versions of the Bible*. Atlanta, John Knox Press Publ., 1982. 228 p.
- Nida E., Taber C. R. *The Theory and Practice of Translation*. Leiden, E. J. Brill Publ., 1982. 226 p.
- Ricoeur P. *On Translation*. Trans. E. Brennan. London, New York, Routledge Publ., 2006. 66 p.
- Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. London, New York, Routledge, 2005, pp. 889 p.
- Vinay J.-P., Darbelnet J. *Comparative Stylistics of French and English: A Methodology for Translation*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publ., 1995. 378 p.
- For citation:** Kazakova T. A. Metalanguage of Translation Studies: Terms and Definitions. *Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2016, issue 4, pp. 75–85. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.406.

Статья поступила в редакцию 9 февраля 2016 г.

Статья рекомендована в печать 30 мая 2016 г.

Контактная информация:

Казакова Тамара Анатольевна — доктор филологических наук, профессор; tamakaza@gmail.com
 Kazakova Tamara A. — Doctor of Philology, Professor; tamakaza@gmail.com